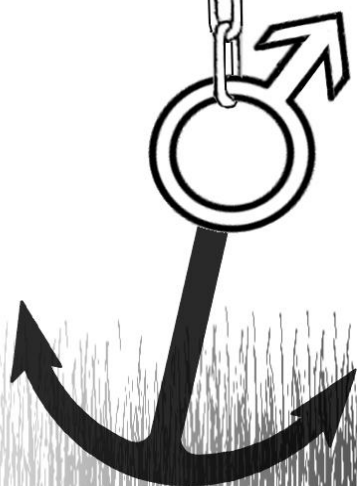

ФЛИРТ

Семен Грила

Флирт

«Ум ценится дорого, когда дешевеет сила».
Ключевский

«Я не себя боюсь, я стихов своих боюсь».
Цветаева

Страсть

Мордасова всегда жила на широкую ногу, даже когда для этого ничего не было. Ни понимания, ни средств, заменяющих понимание, ни людей, которые ее понимали. Как? Это понять совершенно невозможно. Это происходило, наверное, по критерию «слабоумие и отвага» — в том смысле, что непонимание опасностей делает человека свободным. От всего, часто, хотя и ненадолго. Но у Мордасовой получалось надолго. Вернее, навсегда. Всегда.

Она была очень-очень пассионарной. Если так может быть. И одновременно до конца наивной. Очевидно, это сочетание давало тот завораживающий своей хрупкостью блеск, который позволял так идти по жизни.

Возраст

Сейчас Мордасова была в том возрасте, когда красоту надо компенсировать умом. Как во французской поговорке про то, что страшная женщина в 20 – это ее беда, в 40 – ее вина.

Она была красивой, а стала умной, развив красоту, поддерживаемую обменом веществ, в красоту, поддерживаемую умом.

Она не страдала по уходящему веку, сделалась тонкой, яростной и яркой. Рафинированной. Рядом с ней было уютно и опасно одновременно. Это притягивало. Так она и жила. Притяжением.

Теперь ей было пятьдесят. Были деньги от серий разводов и успехов в бизнесе. Она была очень хорошим тренером. Консультантом по индивидуальному поведению. При резкой вертикальной карьере она была незаменима. От клиентов она отказывалась не из-за денег, а из-за несимпатии.

Она и тут любила комфорт. Он должен был быть везде.

Работа

Как мы уже поняли, она была социальным дизайнером, стилистом, или называйте ее талант как вам будет угодно. Можно назвать ее и артистом. Народным, может быть, даже.

Короче говоря, она создавала. Что? Репутации? Нет, конечно. Она создавала оправдания. Снимала синдром чужого места. Она лечила социальные последствия резкой возгонки, разновидности кессонной болезни у дайверов и водолазов. Когда резко делается слишком хорошо. От этого плохо бывает частенько. Как и в обществе для безудержных карьер. Карьера летит, а обозы смыслов отстают. Даже для самого субъекта процесса непонятно, что да как. И как уместиться в коже. И вот тут зовут Мордасову.

Она снимает отеки страстей и нормализует давление. Придумывает, как смириться и тормозить захлестывающую вседозволенность. Когда кони понесли, она их останавливает. Процесс этот не всем нравится, но недовольных результатами не встречалось. Поэтому гонорары назначает она, и будет ли вообще работать, решает тоже она. Это тоже не всем нравится.

Разговор

Как-то раз посиделки за обедом в субботу со старой подругой переросли, как это обычно бывает или не бывает, рамки формальной встречи редко видящихся старых знакомых. Они знакомы были с психфака. Подруга практиковала. Была модным психологом-консультантом.

– Что дальше? – спросила она Мордасову.

– Что дальше? – повторила Мордасова.

– Ну да. Вот мы. Возраст. Деньги. Мы приобрели. Что дальше?

– Не знаю. Чего тебе не хватает?

– Любви.

– Эко ты захотела. Ее нет.

– Есть, конечно. Есть, я же помню. И ты помнишь.

– Ее нет, и помнить мне нечего.

– Помнишь, помнишь.

– А ты влюбляешься в своих клиентов?

– Постоянно, – подруга засмеялась. – И сплю с ними. Очень удобно: помощь на дому.

– А я – нет.

- Да ну. Ты какая-то нездешняя. Все со всеми спят. Это же просто быт. Удобство.
- Нет. Это неудобно. Мешает. Путает.
- Ну, тебе видней.
- Так что нам надо? Ты скажи.
- А я сказала: любви. Все остальное есть или не нужно.
- Время. Нам нужно время.
- Для чего? Чтобы жить вечно?
- Нет. Для того, чтобы все понять.
- Все понять нельзя.
- Надо.
- Для чего?
- Для полноты ощущений.
- Сложно.
- Просто.
- Времени нет.
- В этом и проблема, – Мордасова посмотрела на подругу внимательно. – Не хочешь все бросить и заняться пониманием?
- Нет, – сказала подруга. – Не сходи с ума, у тебя такие перспективы.
- Какие?
- Твой Иннокентий, о нем говорят.
- Кто?
- Да все. Все говорят. Слышали или знают.
- И что?
- Перспективы.

- Какие?
- Изменить жизнь. Ты же лучшая.
- Ладно, подруга, давай заплатим и пойдем, – Мордасова подозвала официанта. – Эспрессо и счет.
- Сию минуту, – ответил официант.
- Странные они тут, не находишь? – сказала Мордасова.
- Пожалуй, – ответила подруга.

Клиент

Среди нынешних воспитанников Мордасовой выделялся, конечно же, Иннокентий Петрович Трегубов. Худой нервный человек сорока лет, неожиданно назначенный на высокий пост в одной из больших компаний и занятый подготовкой перехода на госслужбу. Собственно, госкомпания была для него местом, где он должен привыкнуть к уровню и отточить скиллы, как сказали бы англосаксы, но таких среди нас нет.

Мордасовой позвонили с безумного верха и попросили позаниматься человечком. Деваться было некуда. Вы спросите – возможно, чем-то выделялся именно этот человек среди прочих? Выделялся он тем, что Мордасовой страшно не нравился. В этом было его отличие. Но отказаться в этот раз она в себе сил не нашла.

Работа с ним шла туго – то ли из-за нелюбви Мордасовой, то ли от невероятной зажатости Иннокентия Петровича. Он буквально боялся рот раскрыть лишний раз. Такой прям сказочный персонаж. Из пьес девятнадцатого века. Она не знала, что делать.

Позвонила туда, откуда его прислали. Там ответили, что покровительство у Трегубова такого уровня, что она должна как угодно вопрос решить и парня натренировать.

Небеса

Трегубова назначили вице-премьером. Он попросил Мордасову идти с ним дальше. Она не хотела, но пришлось. За это время они как-то своеобразно подружились и эффективность ее услуг повысилась. Он не мог без нее. Она могла, но уже не очень хотела расставаться.

Через какое-то время – время летит быстро – Иннокентия Петровича стали рассматривать как возможного премьера. Стали больше делать интервью, устраивать публичных выступлений и поездок по городам и весям.

Мордасовой пришлось бросить остальную работу. Времени и сил на других не было. Она сказала об этом Иннокентию Петровичу, он обещал все ее проблемы с компенсацией потерь финансовых решить. Но не решил. А однажды сказал ей, что любит ее и хочет жениться.

Она не ожидала такого, хотя догадывалась еще с тех пор, когда разбиралась с его зажатостью. Это была стеснительность и обожание. Так она себе объяснила тогда.

– Что скажешь?

– Ну не знаю, это так неожиданно.

– Подумай, я не тороплю. Но ты понимаешь – это надо делать сейчас.

– А как же Эльвира?

– Мы поговорили и разводимся. Дело ближайших дней.

– О как! – резво засмеялась она.

– Всё для вас, – сказал он с каменным лицом.

– Я поняла, – сказала Мордасова как можно мягче.

Наверху

С ней встретился представитель заказчика – ну того, кто когда-то привел к ней Трегубова. И передал сообщение. Оно состояло в просьбе помочь наладить отношения в семье Трегубова. Совсем он там у вас с ума сошел. Не время сейчас такими делами заниматься, якобы сказали там.

Она была удивлена. Нет, не тем, что кто-то там заботился о морали, а тем, что это ранило ее. Оказывается, она готова была согласиться на предложение Иннокентия Петровича.

Взяв себя в руки, на следующий день она после обычной оперативки осталась в кабинете и сказала, что все обдумала и отказывается. Иннокентий Петрович орал. Она сидела молча. Он продолжал. Она молчала.

Он успокоился и спросил: почему? Она сказала про назначение и несвоевременность развода. Сказала, что она как его помощник не может рекомендовать сейчас такие действия.

– Но ты же женщина помимо всего прочего! – закричал он. – Жизнь проходит в этих вот, – он обвел рукой кабинет, – оперативках. Тебе не жаль?

– Мне жаль, но это работа. Надо выбирать.

– Да пошла ты!

– Может, я не права, посоветуйся со старшими товарищами.

– Хорошо, – сказал Трегубов. – Иди работай.

Старшие товарищи

Иннокентий Петрович стал премьером. Эльвира осталась его женой. Мордасову освободили от работы с Трегубовым. Но вернуться к ее занятиям полноценно не дали. Новые контракты не появлялись,

старые нашли других и возвращаться не спешили. Нашелся один старый клиент, который объяснил по старой дружбе, что всех ее потенциальных клиентов отговаривают с ней работать. Этим специально озабочены некие сотрудники структур управления.

– Почему? – удивлено всплеснула руками Мордасова.

– Потому, – пожал плечами собеседник.

В конце концов

В конце концов ей пришлось уехать. Она была слишком хороша или плоха для всего этого.

Впрочем, конца мы, наверное, не дождемся, поэтому и не узнаем, кто Мордасова такая. Ну, в смысле она хорошая – только окончательно не понятно, для чего.

Для всего, скажете вы. Может быть. Может быть.